

Научная статья
УДК 94(47).084.3
DOI 10.37724/RSU.2023.80.3.003

Становление российской сельскохозяйственной кооперации под воздействием партийно-государственных органов власти (к 100-летию статьи В. И. Ленина «О кооперации»)

Юрий Арсенович Реент
Академия ФСИН России, Рязань, Россия
reent2@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается механизм трансформации отношения к организации аграрного производства, осуществленный под воздействием новой экономической политики советского государства. В отечественной исторической науке имеется немало исследований становления и деятельности различных форм кооперативных объединений. Тем не менее в современный период ощущается явное ослабление интереса к данной проблематике. Между тем реальное значение этой формы хозяйственности в условиях ужесточения международных санкций может и должно усиливаться. Объектом предлагаемого исследования выступают общественно-политические отношения, складывавшиеся в процессе развития сельскохозяйственной кооперации ряда регионов Центральной России в первые годы нэпа. Предметом исследования являются организационные и нормативные решения советских и партийных органов власти, в которых характеризуются процессы деятельности низовых структур сельскохозяйственных товариществ, артелей и коммун. Цель работы заключается не только в восполнении пробелов в историческом освещении данного вопроса, но и в оживлении интереса к нему со стороны исследователей. Автор полагает, что в современных условиях в качестве реального способа закрепления населения в сельской местности следует использовать развитие производственных форм кооперативного движения. Результаты и выводы, сделанные в статье, могут быть использованы как в научно-исторической среде, так и в органах, учреждениях, ответственных за активизацию кооперативных отношений на селе.

Ключевые слова: аграрная трансформация, идеология «кооперативного социализма», методы партийно-политического воздействия, нечерноземная зона РСФСР, новая экономическая политика, сельскохозяйственная кооперация.

Для цитирования: Реент Ю. А. Становление российской сельскохозяйственной кооперации под воздействием партийно-государственных органов власти (к 100-летию статьи В. И. Ленина «О кооперации») // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2023. № 3 (80). С. 39–47. DOI: [10.37724/RSU.2023.80.3.003](https://doi.org/10.37724/RSU.2023.80.3.003).

Original article

Formation of Russian agricultural cooperation guided by party and state authorities (on the centenary of V. I. Lenin's article *On cooperation*)

Yuri Arsenovich Reent
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia
reent2@yandex.ru

Abstract. The article discusses the transformation of attitudes towards organization of agricultural production, carried out under the influence of the “new economic policy” of the Soviet state in 1922. The national historical literature contains many studies of the formation and activities of various forms of cooperative associations. Nevertheless, in the modern period, we observe a certain weakening of interest in this theme. Meanwhile, the real significance of this form of economic management in the face of tougher international sanctions can and should increase. The object of the proposed study is the socio-political relations that developed in the process of developing agricultural cooperation in a number of regions of Central Russia in the early years of the NEP. The subject of the present research is the organizational and

normative decisions of the Soviet state and party authorities, which characterize the processes of activity of grassroots structures of agricultural associations, cooperatives and communes. The aim of the paper is not only to fill in the gaps in the historical coverage of this issue, but also to revive interest in it on the part of researchers. The author believes that in modern conditions, the development of production forms of the cooperative movement should be used as a way to consolidate the population in rural areas. The results and conclusions drawn in the article can be used both in scientific and historical discourse, and adopted by institutions responsible for enhancing cooperative activities in the countryside.

Keywords: agrarian transformation, ideas of “cooperative socialism,” methods of state and party political influence, non-chernozem belt in the RSFSR, new economic policy, agricultural cooperation.

For citation: Reent Yu. A. Formation of Russian agricultural cooperation guided by party and state authorities (on the centenary of V. I. Lenin’s article *On cooperation*). *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2023; 3 (80):39–47. (In Russ.). DOI: [10.37724/RSU.2023.80.3.003](https://doi.org/10.37724/RSU.2023.80.3.003).

Введение

Выдвигаемая в статье гипотеза предполагает, что агротехнологическая модернизация Советской России, вызванная переходом к новой экономической политике, в определяющей степени была спровоцирована сочетанием Гражданской войны с межгосударственными и социальными конфликтами. В зависимости от регионов, по сравнению с началом 1917 года объем сельскохозяйственной продукции в России снизился на треть. Обострившаяся социально-экономическая катастрофа стала вызовом для Советского государства, которое решилось на «отступление» к мелкобуржуазным формам экономической деятельности. При этом курс на построение «кооперативного социализма», невзирая на необходимость определенных политических компромиссов, вполне вписывался в идеологические установки большевиков.

Завершение Гражданской войны и переход к мирному восстановлению промышленного и сельскохозяйственного производства поставили перед центральными и местными органами власти качественно новые задачи. Это потребовало от них изменения административных подходов при решении многочисленных проблем. Важной особенностью молодого советского государства явилось наличие острого противоречия между провозглашенной формой общенародной власти и реалиями ее практического осуществления. Нормативно вся законодательная и исполнительная власть была закреплена за Советами рабочих, крестьянских и солдатских депутатов разного уровня. Но фактически (и это особо не скрывалось) реальная направляющая сила как в политических вопросах, так и в экономике сосредоточилась в партийных комитетах большевиков.

Анализ причин сложившейся практики не входит в планы настоящего исследования. Однако при изучении характера и направлений деятельности по восстановлению и развитию сельскохозяйственной кооперации невозможно отстраниться от оценки форм и методов партийно-политического воздействия властных структур. И если в предшествующий период многие их представители не находили серьезных доводов для привнесения в сферу партийной работы нехарактерных для политических организаций узко хозяйственных вопросов, то вскоре ситуация кардинально изменилась. В первую очередь изменение подходов отразилось на кооперативном движении в целом. Исходя из этого, представляется важным проследить, каким образом структуры Российской коммунистической партии (большевиков) (РКП(б)) осуществляли на местах воздействие на сельскую кооперацию.

Привлекаемые в работе источники позволяют полагать, что поставленная лидерами РКП(б) цель овладеть массами благодаря активному партийно-политическому воздействию на население позволила не только подчинить, но и достаточно удачно управлять возрожденным кооперативным движением. Для исторического анализа выбрано только пять губерний Центральной России, но учет широкого спектра региональной специфики в подходах к взаимодействию партийных, советских и кооперативных структур позволяет их интерполировать на большую часть европейской территории страны.

Основная часть

Для ликвидации последствий «военного коммунизма» и в целях оживления экономики предполагалось предоставить всем формам кооперативного движения определенную свободу деятельности. Но важно учесть и то, что глава правительства и лидер партии В. И. Ленин, выступая на X съезде РКП(б), не случайно при обсуждении проблем развития кооперации допускал лишь «известное расширение ее “свободы” и ее прав» [Ленин, 1970, т. 43, с. 223]. Даже, казалось бы, такая мелочь, как заключение слова «свобода» в кавычки, в реальной жизни означало очень многое.

К середине 1920-х годов советские и партийные органы власти стали больше внимания уделять вопросам социально-экономического развития деревни в целом, но особенно — в части поддержки крестьянских хозяйств, осуществлявших совместные (коллективные) формы земледелия и других форм трудовой деятельности. Первые хозяйственные итоги новой экономической политики (нэп) позволили перейти к преобразованию характера взаимодействия власти с крестьянством. Сельских жителей удалось убедить в том, что, несмотря на серьезные издержки, новый курс РКП(б) и советского правительства в гораздо большей мере стал отражать интересы трудящихся масс.

Очевидно, что повсеместно декларируемые и формально закрепленные в нэп принципы подразумевали развертывание демократических форм управления, а в деревне — опору на крестьянские хозяйства. Теоретическую разработку и координацию практического воплощения общегосударственного курса в области кооперативной деятельности возложили на специализированный орган — Кооперативное совещание при ЦК РКП(б). Важно отметить, что при определении его целей и задач во главу было поставлено предостережение, согласно которому рекомендовалось в обязательном порядке изучать практический опыт деятельности, пусть даже лишь в отдельных уездах и волостях, не допуская некомпетентного вмешательства, игру с крестьянами в кооперацию [Ленин, 1970, т. 45, с. 44–45].

Созданная при Центральном комитете компартии в июле 1922 года Комиссия по работе в деревне была призвана тщательно изучать реальное состояние дел на местах. Председателем комиссии В. В. Куйбышевым обобщенные результаты этих наблюдений [О работе РКП(б) ... , 1923] были вынесены для обсуждения делегатами XII всероссийской партийной конференции (август 1922 года). Это позволило сформировать обобщенную позицию, нашедшую отражение в материалах резолюции «О задачах партии и кооперации» [КПСС в резолюциях и решениях съездов ... , 1984, т. 2].

Поиск путей дальнейшего совершенствования работы в деревне был определен в числе важнейших задач, поставленных перед делегатами XII съезда РКП(б), проходившего с 17 по 25 апреля 1923 года. Особое внимание с опорой на уже имеющийся опыт работы кооперативных объединений уделялось необходимости их оперативного реагирования на системные изменения экономической ситуации, связанные с переходом к рыночным отношениям. В резолютивной части постановлений съезда были отмечены не только успехи, но и сделан основной упор на то, что в деятельности кооперации начинается «период уточнения и конкретизации методов хозяйствования при нэпе, значение которого усвоено всей партией» [КПСС в резолюциях и решениях съездов ... , 1984, т. 3, с. 51]. Это послужило поводом для созыва новой Комиссии по работе в деревне при ЦК РКП(б), а также для учреждения подобных комиссий при губернских парткомах. Важно отметить, что при этих комиссиях формировались кооперативные советы. С целью изучения проблем и пропаганды передовых наработок было принято решение в качестве опытных полигонов определить 17 наиболее характерных в отношении сельского хозяйства губерний. В Центральном нечерноземном регионе туда включили Тульскую и Рязанскую губернии.

И все же наиболее значимые перемены произошли после того, как в очередном выпуске газеты «Правда» от 26 мая 1923 года была опубликована концептуальная статья В. И. Ленина «О кооперации» (написана 4–6 января 1923 года). Некоторые ее положения явились неожиданностью, что породило заинтересованное обсуждение в широких партийно-хозяйственных кругах. Действительно, значительная часть разного рода управленцев недооценивали потенциальные возможности кооперации крестьянского труда. Ленин указывал: «...чтобы достигнуть через нэп участия в кооперации поголовно всего населения — вот для этого требуется целая историческая эпоха. Мы можем пройти на хороший конец эту эпоху в одно-два десятилетия. Но все-таки это будет особая историческая эпоха, и без этой исторической эпохи, без поголовной грамотности, без достаточной степени толковости, без достаточной степени приучения населения к тому, чтобы пользоваться книжками, и без материальной основы этого, без известной обеспеченности, скажем, от неурожая, от голода и т. д., — без этого нам своей цели не достигнуть» [Ленин, 1970, т. 45, с. 372].

Уже 26 июня состоялось заседание ЦК РКП(б), посвященное проблемам, обозначенным в указанной статье. Присутствовавшие признали, что предложены кардинальные изменения применительно к методам работы и оценкам характера кооперативного движения. Раньше под кооперацией понимали лишь одну из форм ведения хозяйства, в большей мере характерной для зажиточного крестьянства. Теперь же уточнялось ее место в политическом и экономическом механизмах государства нового типа. Лидер партии большевиков настаивал, что при советской

власти кооперация «сплошь и рядом совершенно совпадает с социализмом» [Ленин, 1970, т. 45, с. 375]. Дальнейший анализ идей, заложенных в эту небольшую по объему, но емкую по содержанию статью, учет ряда предшествующих выступлений и наработанной на местах практики позволили определить не только пути, методы и формы приобщения крестьянства к социализму, но и уточнить ряд внутренних и внешних условий перехода к нэпу.

В первой половине 1920-х годов одним из важнейших условий для создания «слоя цивилизованных кооператоров» явилась действенная государственная экономическая и административная поддержка развивающихся в российской деревне процессов. Решая задачи совершенствования управления экономикой сельского хозяйства в восстановительный период, руководство страны исходило прежде всего из необходимости определения основного звена своей хозяйственной политики на каждом из этапов ее развития при сохранении общего стратегического курса. Если в 1921–1922 годах определяющим звеном в области кооперирования населения была агитационно-пропагандистская деятельность среди сельских тружеников, то с 1923 года основной акцент переносится на проблемы организационной поддержки и материального обеспечения функционирования ранее созданных кооперативных хозяйств.

В этом плане весьма показателен опыт работы в Тульской губернии. Там в порядке подготовки к весенней посевной кампании 1923 года заблаговременно была проведена значительная информационно-агитационная работа. Повсеместно использовалась такая эффективная форма, как беспартийная конференция. Для крестьян изменилось только название, а по сути это был вариант сельского схода. Кроме того, широко практиковалось проведение лекций на сельскохозяйственную тематику — за год их насчитали около 500. Но все же более весомым фактором стало выделение 72 тыс. пудов семян, реальная помощь в закупке скота, ремонте инвентаря беднейшей части крестьянства [ЦНИТО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 704. Л. 2 об.]. В первую очередь помощь оказывалась хозяйствам, изъявившим желание или уже вступившим в трудовые сельхозартели и товарищества. Благодаря принятым мерам кооперативная сеть постоянно расширялась и к марту 1923 года составляла 350 сельскохозяйственных кооперативов и 10 кредитных товариществ. В качестве помощи на организационные нужды им было выделено 50 млрд руб. (в совзнаках) [Там же].

Показательно, что президиум Тульского губкома РКП(б) регулярно рассматривал вопросы состояния сельского хозяйства в регионе. В частности, на заседании от 3 февраля 1923 года было принято постановление о создании сети агрокультурных участков, агропунктов, ветеринарных, случных пунктов, конных заводов, колхозов и сельхозкооперативов. Эти решения направлялись в виде предложений в губисполком и губземуправление. Указывалась также и необходимость подкрепления намеченных планов не только политическими, но и экономическими методами. Так, для укрепления сельскохозяйственной кооперации губернии в срочном порядке требовалось:

- «– повсеместно провести землеустройство;
- обеспечить ряд льгот по уплате налогов;
- передать в пользование основную часть подсобных промышленных предприятий, находящихся на их территории;
- выдать ссуды и кредиты из центральных и местных источников;
- укрепить связь с партийными, советскими и профессиональными органами, которые призваны оказывать всестороннюю поддержку» [ЦНИТО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 711. Л. 16 об.].

И все же пусть и небольшой, но уже имевшийся опыт реализации положений нэпа показал, что потребность в расширении реальных свобод для крестьянства вслед за экономической сферой начала остро ощущаться и в области социально-политической. Это способствовало возрождению «буржуазных» теорий и вполне реальных сил, способных их реализовать.

Немаловажно, что борьба за влияние на кооперативное движение в этот период носила политическую окраску. Нередко главным оружием оппозиционных сил на местах становилось умышленное неисполнение решений, принятых в центральных властных структурах. Так, на II съезде уполномоченных Рязанского губернского союза сельскохозяйственной кооперации (Рязгубсоюз) в октябре 1922 года отдельные группы беспартийных делегатов настаивали на создании независимой кооперации. Они протестовали против осуществления любого контроля над ее деятельностью со стороны партийно-политических органов. Последние же в свою очередь предпринимали все меры для того, чтобы устранить влияние на широкие массы кооперативной общественности зарождающейся оппозиции, возглавляемой, как правило, бывшими кадетами и эсерами [Очерки истории ... , 1974, с. 186]. А оно было достаточно активным как в губерниях, так и в столице. Достаточно отметить, что на I Всероссийском съезде сельхозкооперации (1922 год) из 84 делегатов с решающим голосом было 32 эсера, 25 кадетов и монархистов, но только 2 большевика.

Осознавая, что вслед за относительным плюрализмом экономических концепций может зародиться недоверие к существовавшим партийно-государственным структурам, функционеры от РКП(б) повсеместно стали предпринимать меры по устранению из кооперативных органов управления всех «неблагонадежных» специалистов. Недаром на X Тульской губпартконференции (1922 год) было заявлено: «Если мы не подчиним кооперацию во всех ее видах нашему классовому пролетарскому влиянию, — она делается ареной влияния враждебных нам партий, которые используют эти позиции для организации и противопоставления нам враждебных элементов» [Вайцер, 1923, с. 9]. Используя фикцию перевыборов правлений, экономические и административные рычаги, большевики достаточно быстро сумели добиться необходимой для них социально-классовой однородности в кооперации.

Анализ итогов проведенной в этом направлении работы в той же Тульской губернии на XI губпартконференции (март 1923 года) позволил сделать вывод, что в системе сельскохозяйственной кооперации большевики «верхушку завоевали...» [ЦНИТО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 704. Л. 2 об.]. Вместе с тем для усиления влияния на кооперативное движение партсовещание по вопросам работы в деревне при губкоме РКП(б) обратилось с предложением о создании постоянного Совещания по координации организационно-партийной работы в деревне [Там же. Д. 718. Л. 15].

Метод непосредственного партийного воздействия на деятельность хозяйств и учреждений через работавших там коммунистов был не нов. В широких масштабах фракция РКП(б) в уездных и волостных исполкомах Советов, земельных управлениях, в союзах сельскохозяйственной кооперации начали формироваться еще весной 1922 года. Одной из первых была создана коммунистическая фракция при Владимирском губсоюзе. Начав свою работу с подготовки и проведения съезда кооператоров, в дальнейшем фракция организовывала и решала значительную часть вопросов, связанных с развитием всех видов кооперации в губернии [ГАВО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1188. Л. 30]. В частности, особый акцент делался на агитационной и организационной работе, нацеленной на вовлечение в кооперацию женщин, молодежи, а также на «нейтрализацию» деятельности недобросовестных и преступных элементов.

В наиболее крупном сельскохозяйственном кооперативном объединении — Артсоюзе, фракция РКП(б) пыталась осуществлять решающее влияние при обсуждении всего круга проблем, встающих перед объединением. Особое внимание уделялось созданию условий, препятствующих дроблению сильных кооперативов и образованию «лжеартелей». Одной из главных политических целей являлось усиление зависимости бедняцких товариществ от Артсоюза. При этом главный упор делался на наращивании партийной прослойки в кооперации. Уже к августу 1924 года работа в этом направлении достигла больших масштабов. Из 84 работников аппарата союза количество большевиков выросло до 16, а с учетом первичных кооперативов и уполномоченных по уездам в союзе работало 57 членов и 4 кандидата в члены РКП(б), 8 комсомольцев. Параллельно с ростом кооперативной сети (за год число сельхозкооперативов выросло с 80 до 114) велась активная работа по повышению влияния на инструкторский аппарат и актив. Этим категориям фракция выдвигала индивидуальные задания, о выполнении которых они должны были регулярно отчитываться [ГАВО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 49. Л. 5, 23, 27 об.].

Наряду с деятельностью партийных фракций в ряде регионов широкое распространение получили иные формы воздействия на кооперацию. Так, в Рязанской губернии по установкам XI губпартконференции (октябрь 1922 года) общее руководство всеми видами кооперации со стороны губкома РКП(б) велось через губернскую и уездные кооперативные комиссии. Очень важным признавалась непосредственная работа в низовых звеньях. Этот этап широко развернулся уже весной 1923 года. Сельский партактив не ограничивался сугубо организационными мероприятиями, основной целью определялось подчинение себе всех уровней управления соответствующими формированиями. Например, на первом же заседании кооперативной комиссией при Спас-Клепиковском уездном комитете РКП(б) от 27 февраля 1923 года были поставлены вопросы о характере организации кампании по вовлечению крестьянства в кооперацию, об изыскании и распределении средств для поддержания возникающих артелей, товариществ и их союзов, о направлении работников непосредственно на село с целью проведения агитации и «поднятия» кооперации. Для обеспечения этих задач предлагалось перепрофилировать часть имеющихся и создать новые курсы-съезды. В этой работе члены комиссий старались проявлять решительность и повышенную активность. Особый упор делался на выполнение решений XI съезда РКП(б), где предусматривалось обязательное вступление членов партии в то или иное кооперативное объединение. Такими действиями готовились условия для упразднения принципа добровольности членства в кооперации [Реент, 1993, с. 102–103].

Исходя из сложившейся ситуации и необходимости воплощения уже опубликованной

ленинской концепции развития кооперативного движения, Рязанской губернской кооперативной комиссией был подготовлен план работы по укреплению первичной кооперативной сети на 1923–1924 годы, к реализации которого приступили только после его утверждения на XIV губпартконференции. Важнейшим элементом этого плана оставалось подключение всех членов партии к работе в кооперации. При этом предлагалось, что члены сельских и волостных ячеек должны вступать членами-пайщиками в ближайшие сельскохозяйственные кооперативы, а там, где их не было, коммунисты обязывались осуществлять организационные меры. Наряду с этим был взят курс на сокращение административного аппарата кооперативов и их союзов, ликвидацию промежуточных административных звеньев. Подразумевалось, что партийное влияние должно усиливаться.

Следует отметить, что уровень информированности сельского населения как о целях и задачах кооперации, так и о существующих льготах был чрезвычайно низок. Руководство органов РКП(б) всех уровней осознавало, что работа по формированию кооперативного актива взаимосвязана с укреплением партийного влияния на местах. Для этого использовались все возможности. Так, например, был организован крестьянский контроль над деятельностью правлений кооперативных хозяйств, требовался их отчет на открытых собраниях не только членов кооперативов, но и местного населения. Между тем явный и грубый административный нажим пока еще сводился к минимуму.

Нельзя не заметить, что реализация этих установок в сочетании с усиливающейся экономической помощью способствовала определенной активизации деятельности, в частности росту первичной кооперативной сети. Достаточно отметить, что только за период с 1 января 1923 по 1 октября 1924 года количество кооперативов всех видов в Калужской губернии выросло с 116 до 193, в Рязанской губернии — с 288 до 1 044 [Рязанский губернский хозяйственный план ... , 1925, с. 102–103]. Кстати, в Калужской губернии рассматриваемая организационная работа в значительной степени была возложена на кооперативную тройку при губернском парткоме РКП(б). За период с ноября 1922 по март 1923 года состоялось 8 заседаний, на которых было поднято около 40 актуальных вопросов, связанных с деятельностью кооперации всех видов. Вскоре аналогичные кооптройки появились во всех уездах и даже в некоторых волостях. Чтобы не допустить управленческой анархии, Калужский губком РКП(б) разъяснял полномочия кооптроек, ограничивая их общими положениями, не допуская вмешательства в хозяйственно-технические вопросы [Бычков, 1989, с. 19]. Не везде такая работа велась однородно, но в целом положительные результаты были очевидны. В 1923 году только двумя союзами сельскохозяйственной кооперации Калужской губернии было охвачено более 5,5 тыс. крестьянских дворов, а через год — почти вдвое больше [Отчет Калужского губернского исполнительного комитета ... , 1924, с. 155]. Это не только косвенно, но и прямо свидетельствовало о заинтересованности значительной части сельского населения в использовании совместного ведения крестьянского хозяйства.

Следует отметить, что наряду с общими направлениями, формами и методами такой работы в разных местах наблюдалась своя специфика. Так, на Смоленщине основной агитационный и материально-технический упор делался на наиболее передовых крестьян-новаторов, которых называли «интенсивниками». В них видели движущую силу кооперативной модернизации села. Значительная часть партийно-государственного руководства полагала, что создание «тепличных условий» для «интенсивников» будет способствовать возрождению мелкобуржуазной среды в лице зажиточных крестьян, что противоречило революционно-классовым идеалам. Однако ответственный секретарь Смоленского губкома ВКП(б) Д. С. Бейка настаивал на том, что «сбережения зажиточных крестьян можно и нужно было вовлекать в социалистическое хозяйство (путем привлечения в производственную кооперацию), установив за их “эксплуататорскими тенденциями” партийный и государственный контроль» [ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2637. Л. 37].

Во Владимирской губернии повседневное взаимодействие партийных ячеек с правлениями сельхозкооперативов происходило главным образом через фракции РКП(б) при губернских и межрайонных союзах кооперативов, при земуправлениях и органах советской власти. В Тульской губернии взаимоотношение с сельхозкооперацией осуществлялось через регулярно созываемые партийные совещания по работе в деревне при губкоме и уездных комитетах РКП(б) с обязательным привлечением беспартийного актива. В Калужской губернии повсеместное развитие получили постоянно действующие кооперативные тройки при парткомах. А на Рязанщине достаточно быстро были созданы и обрели практическое влияние уездные и губернская кооперативные комиссии, объединившие партийных, советских и кооперативных работников.

Разумеется, это не говорит об отказе от иных форм организационной работы. В Туле, например, еще в сентябре 1922 года было разработано положение об организации кооперативных комиссий при соответствующих партийных комитетах. К числу их основных задач относились:

«– углубление партийного влияния в кооперативах;
– сосредоточение внимания коммунистов на деятельности кооперации;
– согласование деятельности коммунистов-кооператоров с партийными, хозяйственными и советскими органами;
– организация хозяйственной деятельности в русле общеполитической деятельности партии» [ЦНИТО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 648. Л. 9].

Все это говорит об изначально созданных излишних контрольно-указующих функциях комиссий. Формировались они в количестве 3–5 человек из представителей уездных комитетов партии, экономических совещаний, землеуправлений и кооперативных объединений. Процесс создания комиссий шел медленно, поэтому их реальная работа стала налаживаться только с 1924 года.

В то же время в Рязанской губернии кооперативные комиссии при партийных комитетах обычно осуществляли свои решения путем выдачи рекомендаций через посредство большевистских фракций Губсельхоза, Рязмолокосоюза и др. Как правило, эти фракции были исполнительными органами и не обладали необходимыми инициативными (нормотворческими) полномочиями. Отчасти это объяснялось немногочисленностью их состава, но в большей мере — частой перестановкой членов фракций в другие предприятия и учреждения.

В целом же по перечисленным выше регионам на рубеже 1923–1924 годов повсеместно именно кооперативные комиссии стали основными органами, осуществлявшими политическое воздействие на развитие всех видов кооперативных объединений. Продолжавшие свое функционирование в Калужской губернии кооптройки на практике уже к середине 1924 года на основании нового положения, подготовленного губкомом РКП(б), выполняли те же задачи и теми же методами, которые были предусмотрены для кооперативных комиссий.

Заключение

Таким образом, можно по-разному относиться к коммунистической идеологии в целом или деятельности большевиков в частности, но вполне очевидно, что в сфере развития кооперативного движения на волне новой экономической политики органами РКП(б) были достигнуты убедительные успехи. Следует отметить, что особая активизация воздействия партийно-государственных органов советской власти на формировании кооперативных объединений отмечается на рубеже 1922 и 1923 годов, то есть еще до первой публикации концептуальной статьи В. И. Ленина «О кооперации». Как было отмечено выше, она была написана 4–6 января, но вышла из печати только 26 мая 1923 года. Очевидно, появилась она не спонтанно, а стала итогом изучения и обсуждения состояния и перспектив развития кооперативного движения. И если в то время для многих партийно-государственных функционеров поворот к «кооперативному социализму» был непонятным и неожиданным, то для ряда современных исследователей эта реформа представляется логическим продолжением Столыпинских реформ. Так, А. Н. Жуков отмечает, что «массовая кооперация и выход из крестьянской общины — все, чего не могли добиться при П. А. Столыпине, стало воплощаться благодаря огромному стремлению крестьянских масс снизу и поддержке местных властей сверху» [Жуков, 2020, с. 164].

Имеющаяся документально-нормативная база по проблеме исследования позволяет сделать вывод, что характер советско-партийного воздействия на кооперативное движение в Центральной России в первые годы нэпа во многом определялся состоянием идеологической и политической работы среди сельского населения. Активное внедрение партийных структур в административно-хозяйственный аппарат способствовало его значительной политизации. Деятельность большевистских фракций при разработке тактики и стратегии кооперативного движения в значительной степени подменяла соответствующие выборные управленческие структуры, что противоречило самой идее развития независимых союзов кооператоров. Тем не менее определенные успехи были очевидны.

Известно, что по мере продвижения процесса коллективизации на селе кооперативное движение становилось все более слабым, почти ликвидированным в 1930-е годы. Курс на перестройку, провозглашенный М. С. Горбачевым в середине 1980-х годов, вновь возродил интерес к организации кооперативных форм совместной производственно-хозяйственной деятельности. Распад Советского Союза похоронил под своими обломками не только кооперативные, но и казавшиеся незыблемыми огромные государственные предприятия. Однако это совсем не означает, будто кооперативное движение исчерпало себя. На наш взгляд, напротив, под воздействием многочисленных внешних экономических санкций поддержка производственных форм кооперации в современных условиях может выступать не только инструментом импортозамещения,

обеспечения населения качественным продовольствием, но и в качестве реального способа закрепления населения в сельской местности.

Список источников

1. Бычков В. О кооперативном движении в Калужской губернии в 20-е годы // Политическая агитация. Журнал идеологического отдела Калужского ОК КПСС. — 1989. — № 18. — С. 18–25.
2. Вейцер. Наши задачи в кооперации // Кооперация : сб. ст. о потребительской, сельскохозяйственной и кредитной кооперации. — Тула : Изд. ГК РКП(б), 1923. — 94 с.
3. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). — Ф. П-1. — Оп. 1. — Д. 1188. — Л. 30 ; Оп. 2. — Д. 49. — Л. 5, 23, 27 об.
4. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 2637. — Л. 37.
5. Жуков А. Н. Модернизация «от сохи»: опыт аграрного реформирования в смоленской деревне 1920–1930-х годов // Известия Смоленского государственного университета. — 2020. — № 4 (52). — С. 163–188. — DOI: 10.35785/2072-9464-2020-52-4-163-188.
6. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — 9-е изд., доп. и испр. — М. : Политиздат, 1984. — Т. 2. — С. 583–598 ; Т. 3. — С. 50–129.
7. Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. — М. : Политиздат, 1970. — Т. 43. — С. 205–245 ; Т. 45. — С. 43–47, 369–377.
8. О работе РКП(б) в деревне: тезисы, утвержденные Комиссией по работе в деревне при ЦК РКП(б). — М. : Красная новь, 1923. — 15 с.
9. Отчет Калужского губернского исполнительного комитета с 1 октября 1923 по 1 октября 1924 г. — Калуга : Изд. губисполкома, 1924. — 280 с.
10. Очерки истории Рязанской организации КПСС. — М. : Московский рабочий, 1974. — 542 с.
11. Реент Ю. А. Развитие сельскохозяйственной кооперации в общественно-политических условиях нэпа. 1921–1827 гг. (на материалах Владимирской, Калужской, Рязанской и Тульской губерний) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01. — Рязань, 1993. — 232 с.
12. Рязанский губернский хозяйственный план на 1924–26 год. — Рязань, 1925. — 96 с.
13. Центр новейшей истории Тульской области (ЦНИТО). — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 648. — Л. 9 ; Д. 704. — Л. 2 об. ; Д. 711. — Л. 16 об. ; Д. 718. — Л. 15.

References

1. Bychkov V. On the cooperative movement in the Kaluga Province in the 1920s. *Politicheskaya agitatsiya. Zhurnal ideologicheskogo otdela Kaluzhskogo OK KPSS* [Political agitation. Journal of the ideological department of the Kaluga Committee of the CPSU]. 1989, iss. 18, pp. 18–25. (In Russian).
2. Weitzer. Our tasks in cooperation. *Kooperatsiya: sb. st. o potrebitelskoy, selsko-khozyaystvennoy i kreditnoy kooperatsii* [Cooperation: collection of articles on consumer, agricultural and credit cooperation]. Tula, City Committee of RKP(b) Publ., 1923, 94 p. (In Russian).
3. *Gosudarstvennyy arkhiv Vladimirskoy oblasti (GAVO)* [State Archive of the Vladimir Region (GAVO)]. F. P-1. Op. 1. D. 1188. L. 30; Op. 2. D. 49. L. 5, 23, 27 ob. (In Russian).
4. *Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii Smolenskoj oblasti (GANISO)* [State Archive of Recent History of the Smolensk Region (GANISO)]. F. 3. Op. 1. D. 2637. L. 37. (In Russian).
5. Zhukov A. N. Modernization “after the plow:” practices of the agrarian reform in Smolensk countryside in the 1920s–1930s. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiya of Smolensk State University]. 2020, iss. 4 (52), pp. 163–188. DOI: 10.35785/2072-9464-2020-52-4-163-188. (In Russian).
6. The CPSU in resolutions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. Moscow, Politizdat Publ., 1984, vol. 2, pp. 583–598; vol. 3, pp. 50–129. (In Russian).
7. Lenin V. I. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 55 t.* [Complete Works: in 55 vols.]. Moscow, Politizdat Publ., 1970, vol. 43, pp. 205–245; vol. 45, pp. 43–47, 369–377. (In Russian).
8. *O rabote RKP(b) v derevne: tezisy, utverzhennyye Komissiyey po rabote v derevne pri TSK RKP(b)* [On the work of the RCP(b) in the countryside: theses approved by the Commission for work in the countryside under the Central Committee of the RCP(b)]. Moscow, Krasnaya nov Publ., 1923, 15 p. (In Russian).
9. *Otchet Kaluzhskogo gubernskogo ispolnitelnogo komiteta s 1 oktyabrya 1923 po 1 oktyabrya 1924 g.* [Report of the Kaluga Province executive committee of October 1, 1923 to October 1, 1924]. Kaluga, Province Executive Committee Publ., 1924, 280 p. (In Russian).
10. *Ocherki istorii Ryazanskoy organizatsiyi KPSS* [Essays in history of the Ryazan organization of the CPSU]. Moscow, Moskovsky Rabochiy Publ., 1974, 542 p. [(In Russian)].
11. Reent Yu. A. *Razvitiye selskokhozyaystvennoy kooperatsii v obshchestvenno-politicheskikh usloviyakh nepa. 1921–1827 gg. (na materialakh Vladimirskoy, Kaluzhskoy, Ryazanskoy i Tulskey guberniy)*. [The development of agricultural cooperation in the socio-political conditions of the NEP. 1921–1827 (on the materials of the Vladimir, Kaluga, Ryazan and Tula provinces)]. Dissertation of candidate of history, 07.00.01. Ryazan, 1993, 232 p. (In Russian).

12. *Ryazanskiy gubernskiy khozyaystvennyy plan na 1924–26 god* [Ryazan province economic plan for 1924–26]. Ryazan, 1925, 96 p. (In Russian).

13. *Tsentr noveyshey istorii Tul'skoy oblasti (TSNITO)* [Center for Contemporary History of the Tula Region (TsNITO)]. F. 1. Op. 2. D. 648. L. 9; D. 704. L. 2v.; D. 711. L. 16v.; D. 718. L. 15. (In Russian).

Информация об авторе

Реент Юрий Арсенович — доктор исторических наук, профессор кафедры философии и истории Академии ФСИН России; почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Сфера научных интересов: история государственного управления России, история пенитенциарной системы и полиции России.

Information about the author

Reent Yuriy Arsenovich — doctor of history, professor of the Department of Philosophy and History of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia; honorary worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Research interests: history of public administration in Russia, history of the penitentiary system and of Russian police.

Статья поступила в редакцию 24.11.2022; принята к публикации 17.05.2023.

The article was submitted 24.11.2022; accepted for publication 17.05.2023.